

К 85-летию со дня рождения Б. А. Грушина

27-28 февраля 2014 года Всероссийским центром изучения общественного мнения была проведена в Москве IV Международная социологическая конференция "Продолжая Грушина". В рамках подготовки к ней была издана книга Бориса Докторов "Все мы вышли из "Грушинской шинели"¹.

Ниже мы публикуем фрагменты этой книги.

Человек, запечатлевший десятилетия

2 августа 2014 года Борису Андреевичу Грушину (1929-2007) исполнилось бы 85 лет. Это — повод, отправной момент для написания предлагаемой небольшой книги, но ни в её содержании, ни в стиле нет ничего "юбилейного". Её цель — рассказать о жизни и проанализировать творчество учёного, чей значительный вклад в развитие советской/российской науки и политической культуры давно признан нашим профессиональным сообществом. В качестве иллюстрации этого утверждения процитирую сказанное о нём людьми, много сделавшими для развития отечественной социологии и хорошо знавшими Грушина:

Т. И. Заславская: "Я понимала и понимаю, что в течение полтора лет работала с одним из самых выдающихся гуманитарных умов нашего времени" [1, с. 53].

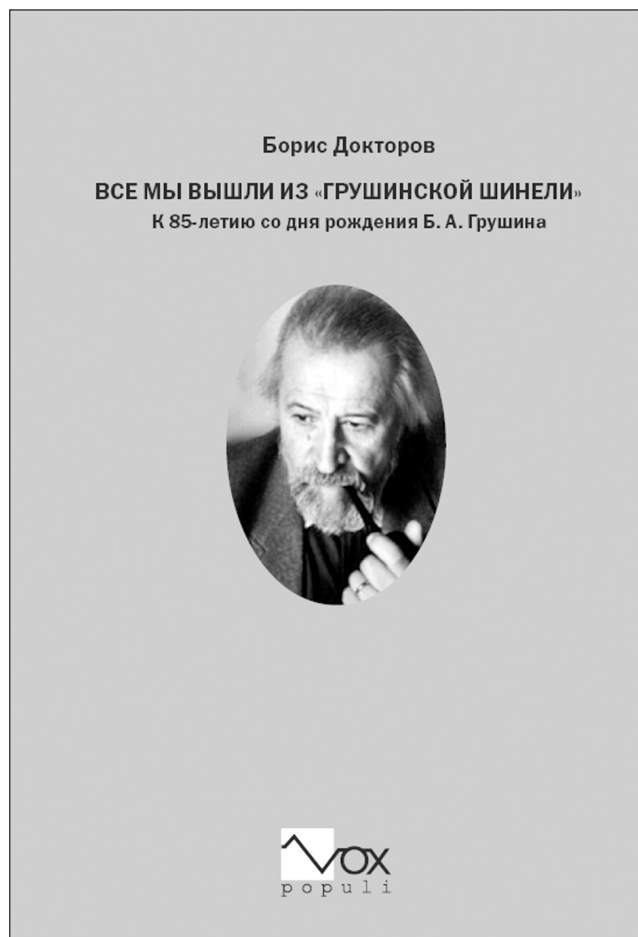
И. С. Кон: "Его смелость была не только гражданской, но и интеллектуальной. В 1990-е годы, когда люди стали делать карьеру и деньги на политическом пиаре, "объясняя" и "прогнозируя" всё, что угодно, Борис публично заявил и много раз повторил, что не понимает того, что происходит в России. Несмотря на безоговорочную преданность демократическим ценностям, научная достоверность была для него важнее политкорректности" [2, с. 432].

Ю. А. Левада: "...[Грушин] регулярно печатал в "Комсомолке" страницу социологических данных. Тогда никто ещё не верил в существование общественного мнения и возможность его изучать у нас. Эту отрасль науки он выдумал — создал собственными руками, своей головой, собственным энтузиазмом" [3, с. 409].

В. Э. Шляпентох: "Грушин — глубинный неконформист и инноватор. Трудно найти в истории советской и постсоветской социологии, даже в числе его сверстников, тех, кто мог бы быть равен ему. Он был первым во множестве событий" [4, с. 162].

Стивен Грант (Steven A. Grant) в течение многих лет возглавлял Отдел изучения России, Украины и стран СНГ и координировал исследовательские проекты для Американской Национальной Информационной Службы (ныне Госдепартамент). Впервые Грант встретился с Грушиным в конце 1980-х, и после долгих усилий ему удалось убедить своё руководство в том, что США могут и должны проводить опросы общественного мнения в СССР. Именно по заказу Гранта ВЦИОМ провёл первый опрос общественного мнения в Советском Союзе для правительства США. Приводимые ниже суждения Гранта о Грушине изложены им в 2004 году и интересны не только тем, что в них аккумулировано его отношение к человеку, с которым он сотрудничал и дружил в течение полутора десятков лет, но и потому, что они сформулированы в понятиях западной культуры. Другими словами, так о Грушине в принципе не мог бы написать никто из его российских коллег и друзей.

Грант начал свои заметки о Грушине словами: "Как историк и исследователь российской жизни, я мог бы передать моё понимание Грушина одним словом: а mensch (порядочный, при-

личный человек). Постараюсь уточнить и прояснить сказанное. Борис Грушин, в моём понимании — это единство двух сущностей: во-первых и прежде всего, он — моральный философ; во-вторых, "public servant"² [5, с. 418-419]. Первое означает, что Грушин был интеллектуалом высокой пробы, затворником "башни из слоновой кости", или теоретиком. Как моральный философ он одновременно выступал и как учёный, и как учитель. Термин "public servant" на Западе обычно применяется к политике или к общественному деятелю, находящемуся на государственной службе и работающему (по крайней мере теоретически) во благо не только государства, то также всего народа. А public servant — это человек, который помимо выполнения формальных обязанностей, задаваемых характером его деятельности, работает во благо общества и людей. Он — общественный радетель [5, с. 418-419].

Теперь приведу слова В. А. Ядова, одного из ближайших друзей Грушина; в них и оценка сделанного Грушиным, и самый общий каркас пространства для анализа его научного наследия: "Борис оставил потомкам замечательно талантливое социологическое описание жизни современников. Это документальная фотография и глубокое осмысление того времени. Наверное, так происходит потому, что он действительно был очень широким человеком и работал на грани беспристрастно научного и эмоционально напряжённого анализа, иногда вообще не видел границ социологии. Ведь он и философ, он и историк, он и статистик, он и логик. Для него форма и логика рассуждения, как и образы объектов анализа, можно сказать, интегриро-

¹ Докторов Б. Все мы вышли из "Грушинской шинели". К 85-летию со дня рождения Б. А. Грушина. М.: Радуга, 2014. URL: <http://www.socio-prognoz.ru/publ.html?id=370> (10.03.2014).

ваны в нечто целое. Это не коллаж в постмодернистском стиле, но именно целостное представление" [6, с. 17].

В последние годы постепенно начинается освоение того, что делалось и что было сделано за более чем полстолетия советскими/российскими исследователями в теоретических пластах социологии и в теоретико-эмпирических поисках, складываются представления о творческом наследии учёных. Однако уже сейчас не приходится сомневаться в том, что по любым самым жёстким науковедческим и нравственным критериям сделанное Грушиным в области теории, методологии и социологической инструменталистики, а также в области развития демократии будет востребовано новыми поколениями российских учёных и институтами гражданского общества в целом.

Грушин о препятствиях к проведению опросов в России

Пожалуй, уже в конце 1980-х, то есть в годы его в высшей степени активной и продуктивной работы по созданию ВЦИОМ, Б. А. Грушин начал испытывать глубокое разочарование по поводу изучения общественного мнения в СССР. Казалось бы, ему удалось реализовать давнюю мечту. Формируется система проведения регулярных опросов, появился канал информирования руководства страны о мнениях людей, открылись практически неограниченные возможности для ознакомления широких масс населения с тем, как общество видит и оценивает всё происходящее внутри и вокруг него. Но ни успокоения, ни — тем более — радости не было. Грушин, с его высочайшими требованиями к себе, к делу, которому он отдал три десятилетия, не мог согласиться с тем, как стала складываться в стране практика изучения общественного мнения. В интервью "Независимой газете" в 2001 году он даже заметил, что его недоверие опросам поссорило его с некоторыми его коллегами. Но при этом он считал: "Последние годы добавили аргументы в пользу моего утверждения. Состояние массового сознания сегодня абсолютно нестандартно. Это больное сознание большого общества, поэтому классический инструментарий, который у нас используется, просто непригоден" [7].

Настороженность Грушина обуславливалась комплексом причин, или обстоятельств, включавших в себя методологические, технологические и организационные составляющие. Также всё более усиливался в нём скепсис, вызванный наблюдавшимися им перекосами в процессе учёта разными ветвями и уровнями власти общественного мнения при принятии управленческих решений. Наиболее полно видение Грушиным трудностей изучения общественного мнения в стране было изложено им в статье "Почему нельзя верить большинству опросов, проводимых в бывшем СССР", занявшей полную страницу в "Независимой газете" от 28 октября 1992 года. Позже она была включена в первую из книг серии "Открывая Грушина" [8]. Ниже будут изложены основные положения этой статьи, но прежде отмечу, что высказанные в ней размышления Грушина непременно надо рассматривать в контексте некоторых из его работ конца прошлого века.

Первая в этом ряду — статья 1988 года "Учёный совет при Чингисхане" [9], она явно относилась к "любимым детям" Грушина, на неё он часто ссылался в последующих работах и нередко вспоминал её в неформальных беседах. Главная тема статьи — наука и власть. Нормальным положением вещей Грушин считал, когда "наука занимается наукой, управление — управлением, а связи между ними реализуются либо в разнообразных формах использования управлением научных данных... либо — что гораздо эффективнее — путём прямого и гарантированного включения науки в процессы управления, в том числе в механизмы принятия ответственных решений...". В СССР же "...на определённом этапе его истории произошла серьёзнейшая де-

формация: органы управления присвоили себе право производить научное, теоретическое социальное знание и тем самым контролировать всё, что делается на этом поприще помимо них. На словах они стали пользоваться этим правом наряду с наукой, а на деле — в обход неё и даже без неё, вместо неё, поскольку именно им стало принадлежать последнее слово в любом теоретическом споре по всем проблемам обществоведения..." [9, с. 297]. Как следствие, наука стала вызывать у представителей органов управления сплошные подозрения и нарекания, её отстранили от активного участия в жизни общества. Социология оказалась "...вроде учёного совета при Чингисхане. Будешь стоять на своём, говорить правду — не снесёшь головы, будешь угодничать, лгать — останешься жив, но обнаружишь свою полную несостоятельность..." [9, с. 302].

С начала 90-х в научных статьях и публицистике Грушина начинает появляться термин "социотрясение", позволявший ему ёмко, запоминающимся образом характеризовать не просто отдельные, хотя и масштабные реформы того времени, которые описывались в терминах перехода "от тоталитаризма — к демократии", "от социализма — к капитализму", "от плановой экономики — к рынку", но глубинные изменения в социальной структуре России и в сознании россиян. Он говорил о тектонических сдвигах, попытках смены цивилизации, переходе общества, "замешенного на феодальном холопстве, рабстве, к обществу, фундаментом которого является свободная личность" [10, с. 310]. В стране шли не просто экономические или политические, но исторические преобразования, и самое главное их последствие Грушин видел в кардинальных изменениях социума, его базовых моральных принципов, психологии масс. И конечно же, этот процесс был "чрезвычайно болезненным, мучительным для всех участвующих в нём действующих лиц..." [11, с. 292].

Грушин писал, что он долго искал термин для обозначения происходившего в России, пока не увидел по телевидению кадров разрушительного землетрясения в Калифорнии в 1989 году: под ногами шаткая, ненадёжная почва, на голову всё время падают стены, стекла и крыши, вокруг огонь пожаров, крики пострадавших, несуетная суeta спасающихся от беды или, наоборот, наживающихся на ней. И что особенно важно, писал он, "...густой (прежде всего информационный) дым, плотная пыль, а то и сплошная тьма, не позволяющая разглядеть, кто есть кто, — кто спасатель, а кто грабитель, кто друг, а кто враг, откуда ждать помощи, а откуда беды..." [10, с. 311]. Исходно Грушин относился к термину "социотрясение" как к журналистскому образу, но позже в нём обнаружилось множество эвристических, познавательных возможностей.

В 2001 году Грушин заметил, что термин "социотрясение" не прижился [7]; это неверно, автор термина явно поторопился с таким выводом. В действительности, рассматриваемый термин вошёл в научный обиход, не растворился в новом постперестроечном языке российской социологии. Так, в январе 2012 года в Институте социологии Российской академии наук (ИС РАН) проходил "круглый стол" с участием ведущих политологов, социологов и дипломатов. Обсуждались итоги 20-летия российских реформ. Одновременно отмечалось 20-летие совместного проекта ИС РАН и Представительства Фонда имени Фридриха Эберта в России. В задачу этого грандиозного проекта входит изучение процессов, происходящих в Российском обществе и в сознании россиян. Как отмечается в заметке о встрече учёных, итог дискуссии подвела заведующая кафедрой политической психологии МГУ профессор Е. Б. Шестопал. Её вывод: "...Российские реформы не закончены, "социотрясение" будет продолжаться..." [12]. А значит, есть все основания предполагать, что и использование слова "социотрясение" будет продолжаться и расширяться.

² Я благодарен Петру Залесскому, который подарил мне экземпляр "Независимой газеты" с этой статьей.

Логика историко-биографических исследований, героями которых являются учёные, предполагает не только тщательное описание траекторий их жизни, но и изучение мотивации их деятельности, генезиса их концепций, причин вводимых ими терминов, понятий. И здесь открывается простор для изложения и обсуждения, на первый взгляд, самых отдалённых сходств, не прямых аналогий, которые когда-либо и при стечении каких-либо обстоятельств могут стать импульсом для построения гипотез о природе научного творчества. Как уже упоминалось, наблюдение Грушиным кадров калифорнийского землетрясения привело к возникновению термина "социотрясение", а вот ещё одна история обогащения социологии за счёт содружества историка и специалиста по предсказанию землетрясений. К сожалению всё, что связано с этим сюжетом, я узнал лишь во втором полугодии 2011 года, так что не мог обсудить его с Грушиным. А было бы интересно...

В 1967 году Алан Лихтман (Allan Lichtman, 1947 г. р.) стал бакалавром истории, а в 1973-ем получил в Гарварде учёную степень Ph. D по истории. В 1980 году за успешно проводившиеся им исследования президентских выборов XIX века Лихтман получил грант на годичную работу в Калифорнийском технологическом институте. Он пытался понять, что приводит к смене власти в США, когда переизбираемый президент или кандидат от той же партии будут находиться в Белом доме, а в каких случаях президентом будет избран представитель конкурирующей партии.

На приёме по случаю приезда новых грантодержателей Лихтман оказался за одним столом с таким же визитёром из Москвы Владимиром Иосифовичем Кейлис-Бороком (1921 г. р.). Кейлис-Борок — один из ведущих в мире ученых-сейсмологов, под его руководством разработан эффективный метод предсказания землетрясений. В 1987 году он был избран академиком АН СССР по отделению наук о Земле, является членом многих иностранных академий наук и научных обществ. Многие годы учёный работает в Университете Калифорнии (University of California) в Лос-Анджелесе.

Узнав, чем занимается американец, русский учёный сказал Лихтману, что со своими коллегами он делает то же самое, разыскивает некоторые плеяды, множества переменных, чтобы узнать, будет ли стабильность или потрясение. И предложил поработать вместе. Они решили попробовать применить методы предсказания землетрясений к прогнозированию итогов президентских выборов, то есть анализировать выборы так, как геофизики изучают землетрясения. Они трактовали президентскую политику в геофизических терминах: рассматривали не ситуацию "Рейган против Картера", или "республиканцы против демократов", или "либералы против консерваторов", а интерпретировали выборы в терминах "стабильность против потрясений". "Стабильность" при таком подходе — это тот случай, когда партия, чей президент занимает Белый дом, побеждает на выборах, а "потрясение" — когда она проигрывает.

В результате их большой исследовательской работы, включавшей создание набора признаков для описания предвыборной ситуации (всё свелось к 13 дихотомическим переменным) и разработку математического метода анализа собранной информации, им удалось построить модель (алгоритм) прогнозирования исхода президентских выборов в США. Впервые эта "социолого-геофизическая" прогностическая модель "социотрясения" была испытана в 1984 году, когда переизбирался республиканский президент Рональд Рейган, а его конкурентом был демократ Уолтер Мондейл. Предсказание "стабильности", то есть переизбрания Рейгана оказалось верным. После этого американцы ещё семь раз выбирали президента страны. Были "потрясения", когда в 2008 году республиканца Буша-мл. на президентском посту сменил демократ Барак Обама, были и новые выборы без "потрясений", например, в 2012 году Обама подтвердил своё право остаться в Белом доме.

Мы не знаем, каким новым смыслом будет наполняться гру-

шинский термин "социотрясение" и насколько успешным в дальнейшем будет метод Лихтмана-Кейлис-Борока, но можно допустить, что нам мало известны эвристические возможности трактовки политических событий в понятиях "стабильность — потрясение".

Прежде чем перейти непосредственно к анализу статьи Грушина о причинах, по которым нельзя верить многим опросам, проводимым на постсоветском пространстве, мне хотелось бы заметить, что и обсуждаемый в ней тезис, основной посыл, и приведённая аргументация не были лишь следствием его восприятия постперестроечных событий. В той же степени всё было предопределено пониманием Грушиным природы общественного мнения, изложенным в называвшихся ранее его работах "Мнения о мире и мир мнений" и "Массовое сознание". Но я хотел бы при изложении трактовки Грушиным феноменологии общественного мнения воспользоваться его построениями, изложенными в статье 1970 года. В ней приводится краткое, в духе логических конструкций, описание границ суждений общественного мнения, или отделяется это образование от других, в чём-то сходных [13].

Прежде всего Грушин выделяет три типа границ, которые логически очерчивают пространство существования и исследования общественного мнения: 1 — *естественные границы*, задаваемые природой общественного мнения; 2 — *логические границы* способности общественного мнения выносить те или иные суждения; 3 — *актуальные, или искусственные, границы* выражения общественного мнения. Другими словами, речь идёт о трёх подпространствах: "естественном", "логическом" и "актуальном".

В "естественном" подпространстве проводятся две границы: общественный интерес и дискуссионность. Общественное мнение как массовидную форму сознания имеет смысл искать и замерять лишь там, где обнаруживается общественный интерес и где есть признаки спорности, дискуссионности, множественности понимания.

Также два критерия призваны отразить логику общественного мнения: его познавательную способность и его информированность. Грушин говорит о "пороге доступности", есть в принципе познаваемое и непознаваемое общественным мнением; и о "пороге компетентности". Он уточняет: "...Понятия "порог доступности" и "порог компетентности" описывают хотя и связанные друг с другом, хотя и сходные, но всё же в сущности своей не совпадающие явления. По отношению к объектам, лежащим за "порогом доступности", человеческий мозг в рамках массового сознания представляет собой вместилище разного рода ложных взглядов, заблуждений и предубеждений, распространение истинных знаний путём просвещения наталкивается в таких случаях на стихийное сопротивление всех этих элементов заблуждения. По отношению же к объектам, лежащим за "порогом компетентности", массовое сознание представляет собой, скорее, типичную *tabula rasa*, на которую путём образования, путём соответствующей постановки дела информации может быть занесено любое знание" [13, с. 166-167].

Актуальное подпространство можно одновременно назвать "исследовательским и управленческо-прагматическим". И в этом случае Грушин обозначает две границы. Первая — "задачи исследования". Эта граница проводится аналитиками общественного мнения, исходя из множества соображений, решают поставленные задачи или нет. Вторая — проистекает из регламентирующей деятельности общества. Она производная его социально-политического характера. "Общественное мнение, — уточнял Грушин, — сложившееся по тем или иным вопросам, не становится актуальным фактом политики, остаётся "вещью в себе", если ему не предоставляется реальная возможность высказаться. А это зависит от характера политической организации общества, от степени развития в обществе свобод (свободы слова, печати, собраний и т. д.), от места, занимаемого различными слоями и группами общества в системе

управления социальными процессами" [13, с. 175].

Теперь всё готово к тому, чтобы обратиться к статье Грушина о препятствиях к проведению опросов общественного мнения в России, которые обнаруживались им в социально-политическом контексте и характере деятельности аналитиков в начале 1990-х.

Прежде всего, обобщая множество случаев из повседневной деятельности возглавляемой им Службы изучения общественного мнения "Vox Populi", Грушин сформулировал следующий вывод: "...Проведение некоторых научных исследований в границах бывшего СССР не столько затруднено, сколько в принципе невозможно". Далее он отмечал: "...В процессе программирования и реализации исследования социолог должен обладать широким набором не только собственно профессиональных, но и весьма далёких от его профессии качеств — гражданским и личным мужеством, повышенной находчивостью и "пробивной силой", развитыми неформальными связями со множеством "полезных людей" в самых различных сферах жизни общества". И ещё один штрих: "... Практически во всех случаях — как раз абсолютно независимо от умений и усилий исследователя — в исследовании все равно могут сработать те или иные факторы, которые приведут к снижению качества информации, срыву запланированных сроков работ и т. д." [8, с. 357].

По-сути, это — описание широкого комплекса обстоятельств, затрудняющих осуществление российскими аналитиками общественного мнения их профессиональных обязанностей, но, по Грушину, и их гражданского долга. Далее в характерной для Грушина логике изложения своих наблюдений он сжимает выше сказанное и выделяет три класса препятствий, стоящих на пути изучения мнений населения. Первый класс он связывает с характеристиками самого "поля", то есть изучаемого общественного сознания; второй — с характеристиками совокупного исследователя и третий — с характеристиками общества в целом. В последнем случае имелся в виду широкий социальный контекст, в котором приходится действовать социологам в их контактах с респондентами и различными людьми, так или иначе причастными к организации опросов.

Легко понять, что к первому классу были отнесены препятствия, порождённые частым отсутствием "самого предмета изучения, то есть общественного мнения, которое сложилось и существует в обществе (по обсуждаемому вопросу) до того, как к нему обратились со своими вопросниками исследователи". Другими словами, Грушин начинал строить свою аргументацию с напоминания о том, что изучаемые исследователями фракции массового сознания, должны быть именно общественным мнением, то есть должны вписываться в границы введённого им критериального пространства. По Грушину, данный класс препятствий — фундаментальный, наиболее глубокий. "Он чаще всего полностью скрыт от глаз наблюдателей, меньше всего учитывается в практической деятельности интервьюеров и (в результате названных обстоятельств) оказывается наиболее губительным по своим негативным последствиям с точки зрения производства достоверной социальной информации" [8, с. 358].

Разговор о характеристиках совокупного исследователя базировался на постулировании недостатка или полного отсутствия профессионализма в основной массе социологов-прикладников. Что объяснялось тем, что в СССР на протяжении долгого времени не было социологического образования. Однако главную трудность Грушин видел не в неумении российских полстеров (замечу, в те годы это слово не использовалось в России) планировать выборку, а в сложностях, возникающих при конструировании и реализации в тяжелейших организационных, финансовых и технических условиях "поля" такой программы и такого исследовательского инструментария, которые бы позволили если и не полностью устранить, то минимизировать бесконечное множество возможных ошибок.

Принципиально и то, что в вопросе о негативных характеристиках совокупного исследователя Грушин не ограничивался критикой недостатков профессионализма, он считал, что на общий уровень и качество проводимых исследований огромное влияние оказывают также гражданская позиция социологов, их представление о смысле, целях и значении их собственной работы...". И в этой области деятельности сообщества российских аналитиков общественного мнения он усматривал наличие серьёзных проблем, осложняющих и без того сложную картину бывшей советской эмпирической социологии.

Разрушительное воздействие на исследовательскую практику препятствий общего социетального характера Грушин прежде всего связывал с наличием в стране социальных проблем, лежащих в основании "социотрясения" и порождаемых им. Кроме того, говорилось о выраженном антиинформационном характере нового общества, то есть яркой выраженности в нём на всех уровнях иерархии управления таких ситуаций, когда процесс принятия решений не опирается на сколько-нибудь серьёзную, надёжную информацию. Последнее положение иллюстрировалось замечанием Грушина о том, что в поисках заказов на исследования он встречался с представителями политической, экономической и масскоммуникационной элиты, среди которых были: Ельцин, Горбачёв, Бурбулис, Шеварднадзе, Силаев и др. И вот его вывод: "...Подавляющее большинство этих контактов даёт блестящий материал для моего давнего и излюбленного сюжета об Учёном совете при Чингисхане, то есть правителях, которые, во-первых, до и без всякой науки знают, что истинно, а что ложно, и, во-вторых, привычно полагают, что имущество "подданных" является естественным продолжением "государственного", то бишь их собственного, имущества" [8, с. 366].

Историко-биографический жанр этой книги безусловно предполагал анализ Грушинской концепции "социотрясения", его взглядов на природу общественного мнения, которые складывались достаточно долго и приобрели к концу прошлого века определённую завершенность, и, наконец, его аналитико-публицистической статьи о препятствиях к проведению опросов в России. Но с момента публикации этой статьи прошло два десятилетия, и было бы неверно не обсудить того, в какой мере выводы Грушина, отражающие основные элементы практики изучения общественного времени в конце 1980-х — начале 1990-х, справедливы сейчас, в начале второго десятилетия XXI века.

Есть ли у нас основания к формулированию полярных суждений о том, что российские полстеры "всегда/в большинстве" случаев или "крайне редко/никогда" имеют или не имеют дело именно с общественным мнением населения. Хотя мне не известны специальные исследования этой проблемы, я не думаю, что столь категоричные ответы — того или иного типа — здесь будут оправданными. Много в обществе не устоялось, многие вопросы относительно прошлого России, её настоящего и будущего находятся в центре общественного интереса и дискуссий, но всё же ситуация стала заметно определённое, стабильнее, чем в постперестроечное время. Выросло несколько поколений, для которых естественным является то, что в последние полтора десятилетия XX века было для советских граждан пугающе новым и противоречило всему прошлому. Таким образом, можно допустить, что по множеству аспектов жизни страны, населения, по которым 20-25 лет назад в России не существовало общественное мнение, теперь оно есть. Правда, нормально допустить, что постоянно рождаются новые ниши общественного бытования, которые лишь осваиваются общественным мнением. И так будет всегда.

Что касается совокупного исследователя общественного мнения, то он безусловно стал значительно более профессиональным, накоплен собственный опыт, освоены многие достижения европейских и американских полстеров. Я допускаю существование в российском полстерском сообществе разных

позиций относительно смысла, целей и значения их собственной работы. Но не думаю, что ведущие в стране службы изучения общественного мнения "работают сегодня не ради систематического производства по возможности достоверной информации", а с целью "достижения сугубо внешнего и сиюминутного, к тому же нередко исключительно коммерческого, успеха...".

Что касается широкого социального контекста, в котором действует российский социолог (третий класс препятствий, стоящих на пути изучения мнений населения), то он, естественно, принципиально изменился за прошедшие два десятилетия. Доказательство этого утверждения не требует анализа или обоснования. Однако из того, что мне приходится читать, положение учёных мало изменилось, они продолжают входить в Учёный совет при Чингисхане.

Заключение

Завершилась жизнь Бориса Андреевича Грушина, но не его судьба. Начав более полувека назад опросы общественного мнения в СССР, он столкнулся с горы камушек, породивший лавину. Он дал возможность высказаться десятилетиями молчавшему обществу.

В начале 2001 года Грушин сказал, что его жизнь была бурной, но не состоявшейся. Затем уточнил: "...Состоялась, но не удалась" [14, с. 144]. И как же горько было говорить Грушину об ощущении невостребованности, о ненужности того, что он делал, о том, что жизнь не состоялась, не удалась... У кого же тогда она состоялась? Кому же она удалась?

Есть два главных обстоятельства, при соблюдении которых сделанное Грушиным будет жить внутри социологии и в социально-политической культуре российского общества. Первое: если само российское социологическое сообщество осознает целостность своей истории и не допустит того, чтобы изучение наследия дореволюционных социологов, внимание к которому в последние годы наконец-то заметно выросло, велось в ущерб анализу работ социологов 1920-1930-х годов и осмыслению сделанного социологами, стоявшими у истоков постхрущёвской советской/российской социологии. Второе: если развитие российского общества будет сопровождаться усилением роли демократических институтов и укреплением позиций общественного мнения в решении актуальных проблем социального развития.

Если так будет, то имя Грушина окажется навсегда вписанным в социологию России и в политическую культуру страны XX столетия.

Литература

1. Заславская Т. И. Как Борис Грушин создавал ВЦИОМ // Открывая Грушина. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. С. 43-53.
2. Кон И. "Ушёл ещё один классик..." // Открывая Грушина. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. С. 431-433.
3. Левада Ю. О человеке, который сделал науку // Открывая Грушина. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. С. 409-410.
4. Шляпентох В. Советские люди в начале 60-х: размышления по поводу книги Бориса Грушина // Открывая Грушина. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. С. 140-162.
5. Грант С. Я хотел стать таким, как Борис Грушин // Открывая Грушина. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. С. 418-424.
6. "Уроки Грушина, или Успех безнадежного дела" // Открывая Грушина. Том 2. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Изд-во МГУ, 2011. С. 13-44.
7. Грушин Б. Социотрясение по-русски (Интервью С. Шаповалу) // НГ-Фигуры и лица. № 03 (66). 8 февраля 2001 // Международный евразийский институт. URL: <http://www.iicas.org/page.php?id=132> (24.12.2013).
8. Грушин Б. А. Почему нельзя верить большинству опросов, проводимых в бывшем СССР // Открывая Грушина. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. С. 355-366.
9. Грушин Б. А. Учёный совет при Чингисхане // Открывая Грушина. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. С. 295-302.
10. Грушин Б. А. Социотрясение продолжается // Открывая Грушина. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. С. 307-312.
11. Грушин Б. А. Смена цивилизаций? // Открывая Грушина. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. С. 285-294.
12. Тимофеева И. "Социотрясение" продолжается // Трибуна. № 1. 12 января 2012. URL: http://www.tribuna.ru/other_sections/science/sotiotryasenie_prodolzhaetsya/ (24.12.2013).
13. Грушин Б. А. Границы высказываний общественного мнения // Открывая Грушина. Том 2. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Изд-во МГУ, 2011. С. 155-177.
14. Кучкина О. Загадочный лазутчик из будущего // Открывая Грушина. Том 2. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Изд-во МГУ, 2011. С. 133-144.